

С родителями Владимиром
Меньшовым и Верой Алентовой

Юлия Меньшова ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТОЙ СЕМЬИ

«Мне позвонил папа и сказал: «Тут повторяют программу «Розыгрыш», в которой нас снимали, и я понял, что ты была очень красивой женщиной!» — «Да ты что!» — опешила я. — «Да! И я даже думаю, что ты и сейчас, наверное, сногшибательной красоты женщина, просто я этого не вижу, как не видел и не понимал тогда».

— Юлия, после некоторого перерыва вы уже полтора года в эфире Первого канала. Я брала интервью у вашего отца и знаю, что родителям правится программа «Наедине со всеми» и они вами очень гордятся...

— Если и так — мне они об этом такими словами не говорят. Мы все в семье не особенно щедры на словесную похвалу, хотя с годами и меняемся. Еще в детстве, когда друзья нашей семьи мне говорили: «Как же отец тебя любит!» — я страшно удивлялась. Этой безумной любви я тогда не чувствовала, не понимала. Родители были чаще ко мне строги и требовательны.

— У вас ранняя память?

— Да, очень ранняя. Помню, как я наблюдала за спящими родителями сквозь прутья своей детской кровати. Видимо, тогда мне было около года. Потому что потом в нашей комнате в общежитии мое место было за шкафом. Еще помню, как на Новый год мне подарили серого пластмассового зайца с барабаном. Тогда мне не было и трех лет. Родители сказали, что придет Дед Мороз, и я, не вы-

ходя из комнаты, сидела под елкой и ждала его. Но как-то меня отвлекли, я вышла на кухню, и когда вернулась, под елкой уже сидел этот заяц с барабаном. Я была ему страшно рада, но очень переживала, что Дед Мороз появился именно в ту минуту, когда я вышла. Еще помню детские ясли-сад, в которые меня отдали трехмесячной. А как только я вышла из младенческого возраста — перевели на пятидневку. Время было нелегкое. Папа числился аспирантом на курсе у Михаила Ромма во ВГИКе, и стипендия ему была не положена. Ночами он подрабатывал, разгружая хлеб в булочной. Но денег нам, конечно, не хватало, и мама вскоре после родов вышла на работу в Театр Пушкина. В общежитии родители какое-то время пытались оставлять меня со своими однокурсниками — студентами или актерами, у которых в этот день не было спектакля. В шутку меня даже называли «дочь полка». Но, конечно, пятидневка в такой ситуации была лучшим выходом. Это еще одно раннее воспоминание: мы с группой на прогулке, а я поглядываю в сторону забора, жду, что скоро должны

появиться папа или мама. Видимо, это была пятница, когда забирали детей.

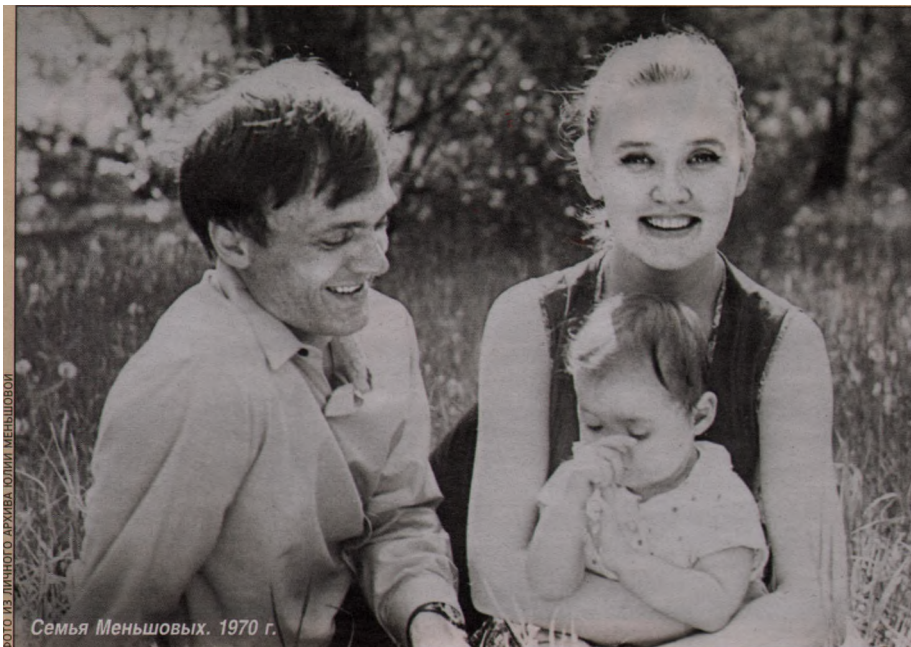
— Ваши родители расстались, когда вам было три года, и сошлись, когда вы пошли в школу. Какими были для вас эти четыре года?

— Как ни странно, это было самое счастливое время! Потому что, если я приходила к папе, весь его день был посвящен мне. Мы шли с ним на рынок, покупали продукты, он готовил вкуснейший борщ, а я сидела на холодильнике и наблюдала. Конечно, я мечтала, что родители соединятся и мы станем жить счастливо. Но когда это произошло, никакого благолепия не наступило. И дело даже не в том, что из-за своего темперамента они часто и сильно ссорились. Просто мне стало доставаться гораздо меньше внимания. Родители были замкнуты друг на друге или на работе. А я много времени проводила с бабушкой, с которой далеко не всегда находила общий язык. Мне было лет шесть, когда я заявила маме, вернувшейся после спектакля: «Хорошо, что ты пришла... А я вот как раз ухожу из дома!» — и стала демонстративно натягивать рейтузы. Мама на это посмотрела и сказала: «Да? Ну что же, хорошо. Какие тебе вещи помочь собрать?» И стала ходить со мной по комнате: «Вот это будешь брать или нет?» Я была растеряна, какое-то время держалась, а потом зарыдала и сказала, что никуда не ухожу. То есть манипуляции где начинались, там и заканчивались.

— Есть вероятность таким образом нанести человеку психологическую травму на всю жизнь...

TET-A-TET

— Мама об этом как-то не думала. Она считала, прежде всего, недопустимым сам факт детского шантажа. Уверяю вас, что в нашей семье все друг друга любят, просто надо же еще уметь проявить эту любовь. Мне кажется, это пошло еще от бабушки, маминной мамы. Она прожила очень трудную, полную трагедий жизнь и была очень закрытой и строгой. Когда в 12—13 лет я начала много читать, даже мечтала о том, чтобы у меня была такая бабушка, о каких я читала в книгах, — теплый, близкий человек, с которым у тебя особые, доверительные отношения... Но бабушке просто негде было всему этому научиться. Она сама потеряла маму, когда ей не было и трех лет. И я просто уверена, что смерть моей прабабушки стала нашей общей семейной травмой, которая «прострелила» несколько поколений. Прадед остался с тремя маленькими детьми. Он служил земским доктором и был чуть ли не круглосуточно занят. Поэтому вновь женился — из лучших побуждений, чтобы у детей была мать и чтобы кто-то вел хозяйство. Его новую жену звали Павла Павловна, но дети ее между собой называли Палка Палковна. Когда прадед уходил на работу, она курила и играла на гитаре, а ребята болтались сами по себе. Часто даже есть дома было нечего, да и ходили дети в каких-то обносках. Когда бабушка оканчивала десятый класс, она донашивала шубку, которую ей купили в четвертом классе. Прадед отчего-то закрывал на все это глаза, может, разводиться не решался? Поэтому в 16 лет бабушка поспешила уйти из дома, поступив в театральное училище, и начались ее скитания по общежитиям и съемным углам. Ее женская судьба тоже оказалась нескладной. Маму она родила во время войны, растила ее без мужа, потому что мой родной дед сначала, как многие актеры, горько пил,

Семья Меньшовых. 1970 г.

а когда маме исполнилось три года, умер. Жили они почти в нищете, на грани голода. Бабушка всю войну подрабатывала на фабрике, где хоть как-то платили и давали карточки, вечером играла спектакли, а ночью, дома, пришивала пуговицы на солдатское белье, кальсоны и рубашки. И потом всю жизнь, хотя была удивительной рукодельницей, единственное, чего не могла, — это пришивать пуговицы. Слишком тяжелые были с этим связаны воспоминания.

Маме рано пришлось стать самостоятельной. Но бабушка, не зная материнской нежности и ласки, видимо, так боялась ее «распустить», что даже целовала, только когда та спала... Ко мне бабушка отно-

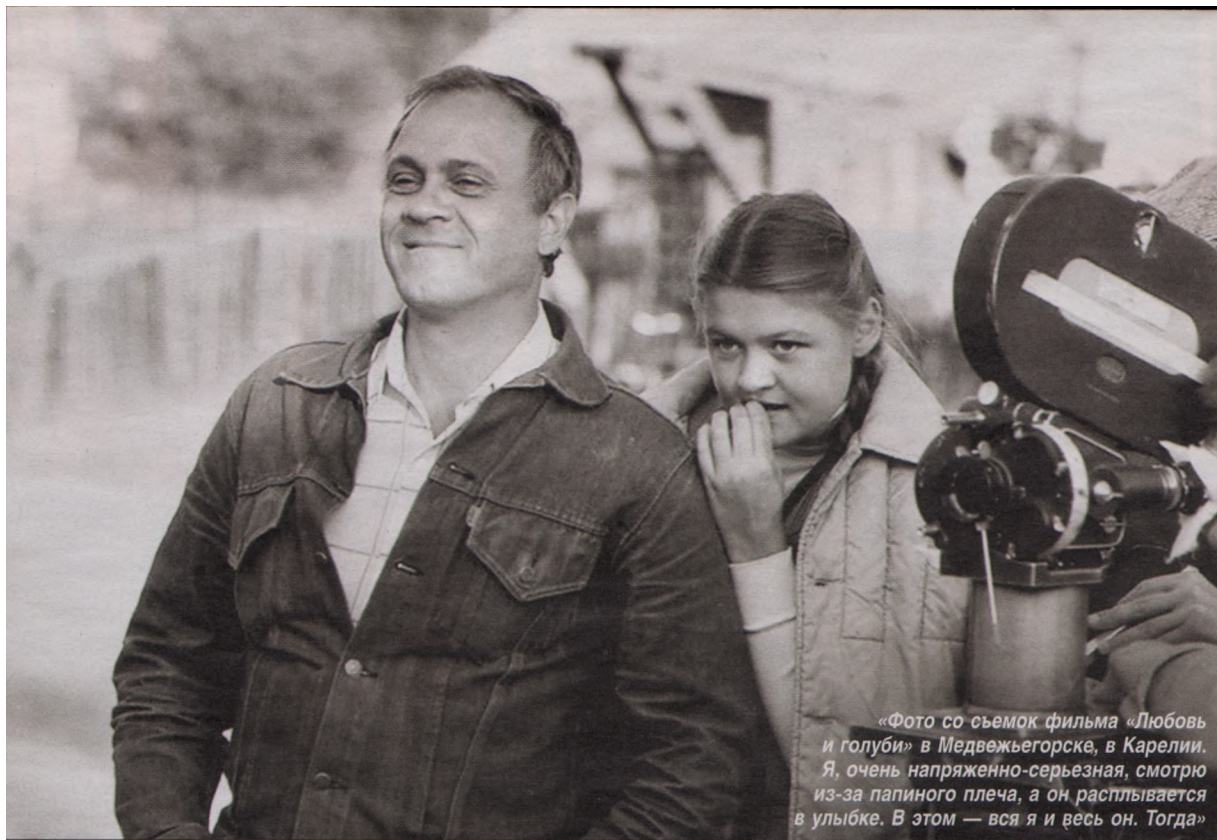

«Женская судьба моей бабушки Ирины Николаевны оказалась нескладной. Маму она родила во время войны, растила ее без мужа...»

силась уже помягче. И хотя у нее была железная воля, я знала, где слабое место! Бабушка ревностно придерживалась режима, но если я не хотела ложиться спать, я говорила, что... хочу есть. Это срабатывало всегда. Я радовалась своей хитрости, тогда не понимая, что это тоже был страшный отпечаток войны: отказать ребенку в еде бабушка не могла.

— Неужели у родителей не было своих слабых мест?

— Мне их обнаружить не удалось! Помню, мы встречались с одноклассниками на 15-летие окончания школы, и они в один голос вспомнили: «Меньшова вечно убирала квартиру!»

«Фото со съемок фильма «Любовь и голуби» в Медвежьегорске, в Карелии. Я, очень напряженно-серьезная, смотрю из-за папиного плеча, а он расплывается в улыбке. В этом — вся я и весь он. Тогда»

— Я знаю, что, если вашей маме казалось, что вещи дочери плохо сложены, она вываливала все содержимое шкафа на пол...

— Это верно. Правда, справедливости ради надо заметить, после второй или третьей просьбы. Кроме этого по воскресеньям, в единственный выходной (ведь мы учились шесть дней в неделю), лет с двенадцати моей обязанностью по дому была генеральная уборка всей квартиры. Когда у нас появилась собака, все ковры нужно было вычистить от шерсти сначала пылесосом, а потом еще резиновой губкой. Мама считала, что каждый уголок квартиры должен содержаться в идеальной чистоте, настолько, чтобы из унитаза чуть ли не пить можно было. Сегодня я с ней согласна, а тогда просто изо всех сил старалась, хотя никто меня не контролировал. Родителей чаще не было дома. А после уборки я делала уроки на понедельник. Подчинялась родителям беспрекословно и была, по-моему, очень удобным ребенком. При этом они все равно были требовательны. Но в советское время это был один из основных принципов воспитания. С детства мне внушали: родители достигли определенных успехов и высот, но это их высоты, к которым я не имею равным счетом никакого отношения. И для того, чтобы состояться в жизни, мне нужны собственные достижения...

— Хорошо, ну вот они много ездили за границу после того, как фильм «Москва слезам не верит» получил «Оскар». Подарки вам привозили?

— Папа из всех поездок привозил в основном книги. Он уезжал в поездку с двумя новыми чемоданами, а возвращался с чемоданами без ручек — они отрывались под тяжестью книг. Один раз папа привез мне очень красивые босоножки. Но одна туфелька оказалась тридцать пятого, вторая тридцать девятого размера. А самым потрясающим подарком от мамы был лифчик с надписью на французском языке «Для дебютанток». Это был действительно фантастический дебют, учитывая, что мне было десять лет. На следующий же день я надела этот лифчик в школу и с гордостью переодевалась в раздевалке перед физкультурой. Мама, конечно, привозила мне еще и фирменные кофточки, и джинсы, купленные на выкроенные копейки из суточных. Вот только они в основном просто лежали дома в шкафу — мне не разрешалось надевать их в школу или в компанию одноклассников. Мама говорила: «Не у всех детей родители ездят за границу! Не все могут себе позволить иметь джинсы!» На самом деле мама сильно заблуждалась, и часто я выглядела скромнее всех в классе.

— Может быть, вам следовало просто поговорить с мамой?

— Может быть. Но тогда мне казалось, что ничего изменить нельзя. И что мои проблемы — это только мои проблемы. Я очень старалась никого ими не напрягать. Помню, когда я училась в четвертом классе, в нашем проезжем дворе грузовик переехал мне задним колесом ногу: я поскользнулась, уступая ему дорогу, и скатилась под колеса. Отползла по снегу с того места, где это случилось, и обращалась к прохожим: «Помогите мне дойти до подъезда! Грузовик мне ногу переехал». Звучало это как дурной розыгрыш, мне не верили и проходили мимо. Наконец один молодой парень поверил, поднял меня на руки и дотащил до подъезда. Хотел сбежать за родителями, но я сказала: «Нет, дотащите, пожалуйста, сразу до квартиры!» — понимая, что со мной случилась серьезная беда, и испытывая за нее очень сильную неловкость перед родителями.

— Вы хотели это скрыть?

— Нет, скрыть это было невозможно. Я три месяца потом лежала в гипсе и еще долгое время ходила на костылях... Просто я почему-то часто попадала в разные переделки и пугала родителей своим окровавленным видом. То зубы выбью на горке, то рассеку нос оледеневшей дощечкой, то с качелей шмякнусь навзничь. Шрамы, которые обычно украшают мужчин, я приобретала с изрядным постоянством. И мне было... стыдно, что ли, что вот опять — новая проблема. Детское сознание так часто устроено...

— Чем больше я вас слушаю, тем больше удивляюсь...

— Я понимаю, к чему вы клоните. Но нет! У меня не было какого-то такого «детдомовского» детства. Просто раньше дети чаще были предоставлены сами себе. То, что родители меня не баловали и были заняты собой, конечно, не значит, что они совсем мною не интересовались. Мне было 12 лет, когда у папы проснулся ко мне интерес. Он начал подсовывать мне книжки, которые нужно было прочитать, говорил, в какой сходить музей, гонял меня по истории Москвы. И я была всему этому невероятно рада. Мне нравилось получать от него такие задания — соответствовать его интересу. Я влюбилась в чтение. Обожала прийти из школы и до сумерек на диване читать какую-то книгу из папиной огромной библиотеки. Правда, всерьез говорить с ним о каких-то других вещах, которые волнуют девочку-подростка, было уже труднее. Мы до сих пор вспоминаем, как лет в тринадцать я написала ему из-под Астрахани, где проводила очередные летние каникулы, письмо

Семья Меньшовых: Владимир Валентинович, его внуки Андрей и Таисия, дочь Юлия и жена Вера Валентиновна Алентова. 2013 г.

с вопросом: «Папа, скажи, пожалуйста, как ты думаешь, я вообще могу нравиться?» Был у меня тогда острый момент сомнения в собственной внешности. На что он, в свою очередь, прислал мне письмо: «Доченька, ты знаешь, к сожалению, я должен тебе открыть страшную тайну... Дело в том, что у тебя одна нога короче другой, поэтому, когда ты ходишь, ты ходишь циркулем, постепенно заворачиваясь в круг...» И так далее. Гомерически смешно было написано. Я, кстати, и тогда смеялась. И до сих пор, когда вспоминаем с ним это письмо, ржем аки кони. Папа предпочитает снять проблему — через юмор по возможности. Есть забавная фотография как раз почти того периода. Со съемок фильма «Любовь и голуби» в Медвежьегорске, в Карелии. Мы стоим с папой возле камеры. Я, очень напряженно-серьезная, смотрю из-за его плеча, а он расплывается в улыбке. В этом — вся я и весь он. Тогда.

— *Вы осознавали в те годы масштаб того, что делает ваш отец?*

— Конечно нет. Да и никто тогда не осознавал, что снимается картина, которая обретет такую народную любовь. Я просто проводила часть каникул с папой. Но, кстати, там впервые ощутила себя совсем взрослой, помогая ему по быту. Мы жили в гостиничном номере, и я папе стирала и гладила рубашки. Именно на этих

«Именно в роли ведущей я нашла абсолютно свою нишу, свое дело. И это было невероятно счастливым временем!»

Юлия — ведущая программы «Я сама» на телеканале «ТВ-6»

съемках я познакомилась и подружилась на всю жизнь с Яной Лисовской, которая играла Людку. Уже в августе в Карелии — грибной сезон, и Яна ходила за грибами чуть не каждый день. И меня научила. С нами ходила и Наталья Тенякова. А в это время муж Теняковой Сергей Юрский занимался с их десятилетней дочкой Дашей французским языком. Помню, я ее очень жалела. Французский — летом. Ужас!

— *Значит, несмотря на родительскую суровость, вы все-таки чувствовали себя свободным человеком?*

— Конечно. Я воспринимала как свободу даже то, что с двенадцати лет по папиному настоянию ездила на летние каникулы в колхоз под Астраханью пропалывать помидоры. Моя тетка, папина сестра, работала учительницей, а всех школьников там обязывали месяц отработать в колхозе. (Когда мне исполнилось четырнадцать, отец хотел заменить эту трудотерапию другой — чтобы я устроилась санитаркой в больницу и узнала там, что такое человеческое страдание. Но тут, к счастью, воспротивилась мама.) В Москве мне категорически запрещалось завивать волосы, носить каблуки, краситься. А в колхозе я отрывалась. По вечерам после работы брала у подружек, с которыми мы жили в одном бараке, туфли на каблуках, бигуди и тушь. Хотя, конечно, времени на гулянки оставалось совсем мало. Ранним утром приезжал грузовик и вез нас в поля. Температура воздуха 40—45. Но открыть лицо или руки нельзя. Надо знать, что такое южная мошкара: живого места не останется! Поэтому форма одежды: треники, длинные рукава и какая-нибудь панамка, на которую цепляется мелкая зеленая сетка, вымоченная в бензине. Да и в бараке над сдвоенными кроватями были установлены марлевые пологи, тоже чем-то пропитанные. Система такая: вы с соседкой туда забираетесь, опускаете полог и вылавливаете остатки мошкары — только так можно лечь спать, иначе так искусают, что наутро глаз открыть не сможешь. Мне было 13 лет, один сельский мальчишка лет пятнадцати влюбился и стал за мной ухаживать. Ну как ухаживать... Мы с ним «ходили», как это называлось под Астраханью. Моя «тургеневская» трепетность, думаю, сильно контрастировала с его реалиями. Жизнь в поселке, надо сказать, гораздо приземленнее. Там в 16 лет уже «по залету» выходят замуж и рожают. Так что тот мальчик смотрел на меня, конечно, с некоторым удивлением, я для него немножко такая нудноватая была девушка, которая зовет «смотреть на закат». Сам он в свои 15 лет, например, уже одеколон «Гвоздика» с одноклассниками пил.

— *Хороший мальчик... А когда вы поступили в Школу-студию МХАТ, то есть выразили желание*

20-летие фильма «Москва слезам не верит». 2000 г.

«Чувства тоже требуют времени. И «быть рядом» — это тоже поступок. Со временем мы все стали это понимать и поэтому стали более внимательны друг к другу. И щедры на комплименты, на слова поддержки и любви»

СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

продолжить династию, отношения с родителями стали проще?

— Не сказала бы. Студенчество как раз стало первым опытом моего сильного отрыва от дома. И их жестких суждений о моих достижениях. Я уже рассказывала историю о том, как родители пришли ко мне на экзамен по актерскому мастерству. И оба после показа сказали: «Ты хуже всех. Просто тебе из-за нас все стесняются об этом сказать. Тебе нужно забирать документы и уходить из института!» Эта мысль, что мне просто «стесняются сказать», жгла меня всю ночь адским огнем. Я испытала дикое унижение, допустив, что все похвалы и даже пятерки по мастерству были адресованы не мне, а моим родителям. Так сказать, из уважения... Это было настолько невыносимое предположение, что наутро я пошла забирать документы. Остановила меня Алла Борисовна Покровская, которая была одним из педагогов нашего курса (руководитель курса Калягин появлялся у нас не так часто), сказав: «Юля, вывод надо сделать, но только другой: никогда не зови родителей на показы. Они с ними не справляются».

— То есть в сложной жизненной ситуации вам помог в общем-то чужой человек. А родители по-прежнему боялись вас разбаловать?

— Вы неверное слово употребляете — «разбаловать». Они хотели, чтобы я была самостоятельной, независимой от них личностью. Но не всегда умели соизмерить силу своей требовательности. Или своих собственных страхов и представлений. Например, сразу решили: «Ты живешь дома. Тебе покупают одежду, кормят. На карманные расходы стипендия вполне достаточно. Даже выше крыши». — «Хорошо», — согласилась я. Хотя моя стипендия была 24 рубля, по факту денег мне не хватало катастрофически. Шел 1986 год, цены скакали непредсказуемо. Мы жили в районе Олимпийской деревни, я уезжала отсюда на занятия в восемь утра, а возвращалась в

час ночи. Так что дома я только ночевала. Безусловно, меня одевали. Но ела я не дома. Студенческого бюджета у нас не было. Зато возле Школы-студии МХАТ открыли ларек с курицей гриль. Господи, какая это была пытка для студентов, потому что запахи оттуда доносились невероятные. Но купить курицу, которая продавалась только целиком, было дорого. В перерывах между лекциями мы бегали в дешевое кафе: ели булочки, пили сладкий растворимый «кофе» — его разливали из огромной кастрюли. В результате все девочки к исходу первого курса поправились килограммов на десять. Калягин собрал нас, похожих на героинь, а вы превратились в острохарактерных актрис. За лето приведите себя в порядок!» Ко второму курсу я все-таки добилась от папы «прибавки» к стипендии в 10 рублей.

— После Школы-студии вас взяли в МХАТ, который всегда считался главным драматическим театром страны...

— Шла перестройка, и наш курс стал первым в Школе-студии МХАТ, не получившим распределения после окончания. Только пять человек из двадцати пяти остались тогда в профессии. У меня был красный диплом, но это вряд ли имело хоть какое-то значение. Просто везение: меня и еще троих однокурсников взяли в МХАТ, потому что Ефремову понравились наши работы в дипломных спектаклях. У меня была довольно счастливая судьба: за четыре года я сыграла в пятнадцати спектаклях — это много. Но в стране происходили глобальные перемены. Вечерами я шла гулять с собакой и наблюдала сюрреалистическую картину: ветер разносил газеты и мусор, везде валялись развороченные груды ящиков — днем здесь гудел стихийный уличный рынок. А в 91-м году я впервые в жизни увидела в небе транссирующие пули... Жизнь была настолько нестабильной, что театр становился каким-то анахро-

С мужем Игорем Гординым и сыном Андреем. 1998 г.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЮЛИИ МЕНЬШОВОЙ

низмом. В зале сидело от силы сто человек, которые приходили по инерции советской жизни, когда считалось, что интеллигентные люди должны ходить в театр хотя бы раз в месяц. И я остро чувствовала бессмысленность этой своей жизни. И профессии. При этом как бы стремительно ни менялась реальность за окном, в театре идет своя жизнь, свои выяснения отношений, свои интриги, беды, страдания из-за того, что не дают роли... Я приходила на репетицию в 11 утра и могла просидеть до вечера, но так и не выйти на сцену. Потому что когда Олега Николаевича Ефремова спрашивали, каких артистов на завтра вызывать, он на секунду задумывался, а потом говорил: «Да всех зовите!» Допустим, в спектакле были заняты 40 человек из труппы, а весь день репетировалась сцена на двоих. И остальные 38 сидели с 11 утра до 9 вечера в курилке, предаваясь бесконечному пустому трепу... А я сидела и думала: «На что я трачу свою жизнь?» Ощущения — как в замечательном стихотворении Шпаликова: «Жизнь уходит сквозь пальцы желтой горстью песка...»

— Когда вы ушли из театра, что сказали родители?

— Мама меня поддержала. Возможно, впервые в жизни. Для меня это было неожиданно. А вот папа говорил: «Ты совершила чудовищную ошибку! Иди и стой на коленях перед Ефремовым, чтобы тебя взяли обратно!» Я отвечала: «Не пойду!» Тогда он переходил на следующую ступень: «А кем ты будешь? Что ты будешь делать? Как жить?» На этот вопрос у меня был ответ. Правда, довольно туманный. Но я два года готовилась к увольнению и придумала несколько запасных путей к отступлению, чтобы заработать деньги. Ходила на курсы по народному творчеству и училась в народной манере расписывать кухонные доски. Народные промыслы тогда были популярными. Все Измайлово было забито такими досочками, они пользовались хорошим спросом у иностранцев. К тому же мне просто нравилось рисовать. Еще думала, что могу пойти гримершей на «Мосфильм». Но это — на крайний случай. Больше всего я мечтала попасть на телевидение. Я вдруг тогда очень ясно ощутила, что именно на телевидении самая интересная жизнь. И стала обивать пороги всех каналов. Приходила и говорила, что готова на все. Это было правдой. Если бы мне сказали: «Нам нужен администратор», я бы пошла администратором. Если бы нужно было носить кассеты из здания в здание, быть последним помощником монтажера, я бы пошла. Мне было важно перемахнуть забор под названием «телевидение». Я думала: главное — попасть, а там уж встроюсь, ориентируюсь. Но мне говорили: «Мы вам перезвоним». И я понимала сразу, что не перезвонят.

— Так как же вам удалось все-таки «перемахнуть забор»?

— Мне повезло! До сих пор благодарна за это Виктору Ивановичу Мережке. Можно сказать, это судьба. Он позвонил моим родителям. Дома их не оказалось. И он начал расспрашивать меня, как мои дела. Я рассказала все в подробностях, в том числе и о мечте попасть на ТВ. И он вдруг спросил: «Пойдешь

ко мне редактором? Тут новый канал открывается...» Для программы «Мое кино» нужно было писать огромное количество текстов, и я это делала с удовольствием. Честно сказать, я совершенно не хотела работать «в кадре», испытывала серьезные сомнения относительно любой публичной деятельности. Но возникла программа «Я сама», Иван Демидов предложил мне стать ведущей, отказываться было неловко. Каким бы кокетством это ни звучало, но так я это чувствовала тогда. И вскоре поняла, что именно тут, в роли ведущей, нашла абсолютно свою нишу, свое дело. И это было невероятно счастливое время! Молодая, прекрасная команда канала «ТВ-6»... Тогда на телевидении правила игры были романтические, никто и не думал, сколько нам заплатят. Это было чистое творчество в дистиллированном виде и абсолютная свобода. Кроме того, оказалось, что именно на телевидении я неожиданно избавилась от ярлыка «дочь Меньшова и Алентовой». Стала самостоятельной единицей и обрела собственное имя.

— *Вы давно уже сами стали мамой. Детей воспитываете по тем же принципам, по которым когда-то родители воспитывали вас?*

— Признаюсь, в наших отношениях с Андреем и Тасей я очень многое выстраивала «от противного». Я менее строга и требовательна — плохо это или хорошо, покажет время. У меня другая система координат: на первом месте именно дети, да и вся моя семья. Во всех моих контрактах записаны дни рождения всех близких, новогодние праздники и детские каникулы. Потому что чувства тоже требуют времени. И «быть рядом» — это тоже поступок. И похоже, с годами мы все стали больше это понимать и поэтому стали более внимательны друг к другу. И щедры на комплименты, на слова поддержки и любви.

Наталья НИКОЛАЙЧИК

«С детства мне внушали: родители достигли определенных успехов, но это их успех, к которому я не имею никакого отношения. И для того, чтобы состояться в жизни, мне нужны собственные достижения»